

Среда, 10 ноября 1904 г.

Условия подписки с доставкой и пересылкой годовых и многогородных подписчикам:

12 м.—9 р., 11 м.—8 р. 50 к., 10 м.—8 р., 9 м.—7 р.
8 м.—6 р. 50 к., 7 м.—5 р. 75 к., 6 м.—5 р., 5 м.—4 р. 25 к., 4 м.—3 р. 50 к., 3 м.—2 р. 75 к., 2 м.—2 р., 1 м.—1 р.

За пересылку загранич. изд. добавоч. 60 к. ежемесячно.
Подписка принимается только с каждого 1 числа и не далее конца года.

За объявленія: за строку, занимаемую поименом на 1-й страницѣ, 20 к., на 4-й страницѣ—10 к.

При многократн. печатаніи—скидка по соглашенію.
За разсл. приложений при газетѣ—8 р. отъ каждой тысячи.
Главная контора помещается въ Ростовѣ на Дону, на Бол. Садовой улицѣ, въ собств. домѣ.

Контора открыта ежедневно отъ 8 час. утра до 8 ч. вечера, въ воскресныя и празднич. дни отъ 10 до 12 ч. дня.
Фабричные номера въ Ростовѣ нѣ. и въ отдѣленіяхъ—5 н.
Телефонъ конторы № 240.

№ 298. Годъ четырнадцатый. № 298.

ПРИДОНОВСКИЙ КРАЙ

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ.

Среда, 10 ноября 1904 г.

Редакція газетъ помещ. въ Ростовѣ на-Дону, на Собств. Садовой улицѣ, въ собств. домѣ.

Редакція для личн. общен. откр. отъ 12 до 2 ч. дня.
Статьи должны быть доставляемы съ подпискою и адресомъ автора. Принятые статьи, по усмотрѣнію редакціи, подлежатъ измѣненію и сокращенію. Статьи безъ обозначенія условій считаются безплатными. Мелкіе замѣтки уничтожаются, статьи сохраняются 1 мѣсяцъ. Пересылку рукописей обратно авторамъ редакція на себе не принимаетъ. Говораръ выдѣляется въ конторѣ по субботамъ отъ 10 до 1 часа дня. Телефонъ редакціи № 6.

Объявленія для газ. „Придонскій Край“ отъ личн. фирмъ и учрежденій, находящихся въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Вильнѣ, Ригѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Принимается въ конторѣ и загранично, принимается исключительно въ центрально-конторѣ объявленій „торгового дома „А. В. Митрофановъ“ въ Москвѣ, въ домѣ Сытина, и въ его отдѣленіяхъ С.-Петербургѣ, на Б. Морской, № 11, и въ Варшавѣ, Крисе-ское предм., № 58.—по таксѣ: за строку текста по 12 к., а за строку текста по 25 к. за строку текста или напечатаніе по мѣсту.

Чеховский мирь.

VIII. Безъ вѣры.

Печальна въ высочайшей степени и безотраднѣ жизнь „человѣка въ футлярѣ“ въ глазахъ тѣхъ, кто смотритъ на эту жизнь со стороны. Но сами „футлярные люди“ отличнѣ себя чувствуютъ, нерѣдко полагая, что они достигли самаго настоящаго благополучія, возможнаго на землѣ, добившись возможности кушать „собственный крыжовникъ“ или жить „согласно циркулярямъ“. Совершенно иное самочувствіе другого типа, порожденнаго тѣми же условіями русской дѣйствительности, которая даетъ и „футлярныхъ людей“, но неспособнаго довольствоваться тѣми узенькими границами жизни, которыми довольствуется „человѣкъ въ футлярѣ“. О, ничего не можетъ быть ужаснѣе жизни такого человѣка, когда онъ утратитъ способность вѣрить и жить мечтой! Дѣйствительность давитъ такихъ людей—и до сихъ поръ русская жизнь знала только одинъ исходъ для страданій людей этого типа—самоубійство, какъ это и отразилось на судьбѣ Иванова, героя драмы Чехова „Ивановъ“,—драмы, до такой степени плохо понятой при ея появленіи, что Чеховъ готовъ былъ отказаться даже отъ карьеры драматурга, и до сихъ поръ неоцѣненной по достоинству.

Не сразу русскій человѣкъ доходитъ до того конца, къ которому приходитъ Ивановъ. И не потому это бываетъ, чтобы русскіе люди боялись смерти. Нѣтъ, не только война, но и многіе обыденные случаи нашей жизни ясно показываютъ, что мы въ значительной мѣрѣ обладаемъ еще способностью азіатовъ относиться къ потерѣ жизни крайне равнодушно. Наша жизнь еще до сихъ поръ не представляла такихъ красотъ, чтобы ради нихъ дорожить жизнью. Нѣтъ, Ивановъ держится у насъ крѣпко за жизнь въ силу одной паразитической способности русскаго человѣка, которую одинъ изъ представителей типа, о которомъ мы говоримъ, обрисовываетъ у Чехова такими чертами:

„Я такъ понимаю, что вѣра есть способность духа. Она все равно, что таланты: съ нею надо родиться. Насколько я могу судить по себѣ, по тѣмъ людямъ, которыхъ я вижу на своемъ вѣку, по всему тому, что творится вокругъ, эта способность присуща русскимъ людямъ въ высочайшей степени. Русская жизнь представляетъ изъ себя непрерывный рядъ вѣроуныи и увлеченій, и повѣряя или отрицая она еще, ежели желаетъ знать, и не пыталась. Если русскій человѣкъ не вѣритъ въ Бога, то это значитъ, что онъ вѣруетъ во что нибудь другое.“ (IV т., „На пути“).

И дѣйствительно, эта способность „вѣровать“ у русскаго человѣка прѣ-

мо паразитическая. Любопытно, однако, что до Чехова въ русской литературѣ почти никто не пытался изобразить эту особенность русской натуры. Зато Чеховъ далъ намъ по-истинѣ великолѣпный образчикъ русскаго вѣрующаго человѣка. Особенности этого типа состоятъ въ томъ, что онъ проецируетъ свою способность къ вѣрѣ еще съ самыхъ юныхъ лѣтъ и что вѣра его не опирается ни на какія реальныя основанія, а потому и непрочно и постоянно мѣняется предметами, вызывающими эту вѣру. Къ этому нужно присоединить, что вѣра для русскаго человѣка—все, что она у него всегда дѣятельна, почему отвлеченный піетизмъ никогда не могъ получить широкаго распространенія на русской почвѣ, и что ради того, во что русскій человѣкъ вѣруетъ, онъ съ паразитическою легкостью или, если хотѣть, съ фанатизмомъ приноситъ въ жертву не только себя, но и своихъ ближнихъ и готовъ принести въ жертву, пожалуй, весь земной шаръ со всѣмъ населяющимъ его человечествомъ. „Пусть погибнетъ мирь, но да здравствуетъ идея!“—такъ можетъ сказать русскій вѣрующій человѣкъ, пародировавъ извѣстное „percat mundus, fiat justitia“.

Все это великолѣпно изображено Чеховымъ въ рассказѣ „На пути“, и мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи процитировать относящіяся сюда мѣста этого маленькаго, но паразитически богатаго по содержанію рассказа.

„Въ мою душу природа вложила необыкновенную способность вѣрить,—говоритъ о себѣ герой рассказа, Лихаревъ. Полжизни я состоялъ въ штатѣ атеистовъ и нигилистовъ, но не было въ моей жизни ни одного часа, когда я не вѣровалъ. Всѣ таланты обнаруживаются обыкновенно въ раннемъ дѣтствѣ, такъ и моя способность давала себя знать, когда я еще полъ столомъ пѣшкомъ ходилъ. Моя мать любила, чтобы дѣти много ѣли, и когда, бывало, кормила меня, то говорила: „Вѣдь! Главное въ жизни супъ!“ Я вѣрилъ въ этотъ супъ. Ыль по десяти разъ въ день, ѣлъ какъ акула, до отравленія, до обморока. Рассказывала нянька сказки, и я вѣрилъ въ домовыхъ, въ лѣшихъ, во всякую чертовщину. Бывало, краду у отца сулени, поспавъ ею праники и пошу ихъ на чердакѣ, чтобы видѣли ли, домовые или побили и передохли. А какъ научился читать и понимать читанное, то пошелъ писать губернія. Я и въ Америку бѣгалъ, и въ разбойники уходилъ, и въ монастырь просился, и мальчишкомъ нанималъ, чтобы они меня мучили за Христа. И вѣжѣте, вѣра у меня всегда была дѣятельная, по мерзая. Ежели я въ Америку убѣгалъ, то не одинъ, а совмѣщая съ собою еще кого-нибудь, такого же дурака, какъ я, и радъ былъ, когда мерзъ за заставой и когда меня поролли: ежели въ разбойники уходилъ, то возмущался непринятіемъ съ разбитой рожей. А когда меня отдали въ гимназію и осыпали тамъ всякими истиннами въ родѣ того, что земля ходитъ вокругъ солнца, или что бѣлый цвѣтъ не бѣлый, а состоитъ изъ семи цвѣтовъ, закружилась моя головушка. Все у меня по дѣтству кругомъ: и Навишъ, бѣловѣшій

солнце, и мать, во имя пророка Іліи отрицанная громоотводъ, и отецъ, равнодушный къ истиннамъ, которая я узналъ. Мое прозрѣніе влохилово меня. Какъ шальной ходилъ я по дому, по конюшнямъ, проповѣдывалъ свои истины, приходилъ въ уланъ отъ новѣства, пылалъ новизною ко всѣмъ, кто въ бѣломъ цвѣтѣ видѣлъ только бѣлое... Впрочемъ, все это пустыни и малочисленныя. Серьезныя же мужественныя увлеченія начались у меня съ университета...

Я вамъ скажу, что нѣтъ ничего увлекательнѣе и грандіознѣе, ничто такъ не ошеломляетъ и не захватываетъ человѣческаго духа, какъ начало какой-нибудь науки. Съ первыми же пяти-шести лекціей, васъ уже скрываютъ слѣды ярія надежды, вы уже кажетесь себѣ хозяиномъ истинны. И я отдался наукамъ беззаветно, страстно, какъ любящей женщиной. Я былъ ихъ рабомъ, и крѣпко ихъ не хотѣлъ знать никакого другаго солнца. День и ночь, не разгибая спины, я зубрилъ, разорвался на цинги, плакалъ, когда на моихъ глазахъ люди эксплуатировали науку ради личныхъ цѣлей. Но я не долго увлекся. Штука въ томъ, что укаждой науки есть начало, но воемъ нѣтъ конца, какъ у периодической дроби. Зоологія открыла 35000 видовъ насѣкомыхъ, химія насчитываетъ 60 протѣкъ тѣлъ. Если современникъ къ этимъ цифрамъ прибавитъ справа по десяти полей, зоологія и химія такъ же будутъ далеки отъ своего конца, какъ и теперь, а вся современная научная работа заключается именно въ приращеніи цифръ. Сей фокусъ я уразумѣлъ, когда открылъ 35001-й видъ и не почувствовалъ удовлетворенія. Ну съ, разочарованія я не успѣлъ пережить, такъ какъ скоро снова овалѣла новая вѣра. Я удрался въ нигилизмъ съ его прокламациями, черными передѣлками и всякими штуками. Ходилъ я въ народъ, служилъ на фабрикахъ, въ смазкахъ, бурлакахъ. Потомъ, когда, шатаюсь по Руси, я полюбилъ русскую жизнь, я обратился въ горячаго поклонника этой жизни.

Я любилъ русскій народъ до состраданія, любилъ и вѣровалъ въ его Бога, въ языкъ, въ творчество... И такъ далѣе, и такъ далѣе... Въ свое время я былъ славянофиломъ, наводилъ Анискову писемками, и украинифиломъ, и археологомъ и собирателемъ образовъ народнаго творчества... увлекся я идеями, людьми, событіями, мѣстами... увлекся божь перерыва. Пять лѣтъ тому назадъ я служилъ отрицанію собственности; послѣдней моей вѣрой было непротравленіе злу...

Что стоило мнѣ разнообразіе моей жизни! Вѣдь я вѣровалъ не какъ нѣмѣцкій докторъ философіи, не цинрихъ-манрихъ, не въ пустыни я жилъ, а каждая моя вѣра гуляла мною въ дугу, вала на части мѣстолюбъ. Былъ я богатымъ, но теперь нищій. Въ чадѣ увлеченій я ухлопалъ и свое состояніе, и женино, массу чужихъ денегъ. Мнѣ теперь 42 года, старость на носу, а я безпріютенъ, какъ собака, которая отстала ночью отъ обоза. Во всю свою жизнь я не зналъ, что такое покой. Душа моя безпрерывно томилась, страдала даже издежками... Я изнывалъ отъ тяжкаго безпорядочнаго труда, терпѣлъ лишения, разъ пять сидѣлъ въ тюрьмѣ, таскался по архангельскимъ и тобольскимъ губерніямъ... испоконнать больно. Я жилъ, но въ чадѣ изъ чувствованія самаго процесса жизни. Вѣрнито ли, я не помню ни одной весны, не замѣчалъ, какъ любила меня жена, какъ рождалась моя дѣти. Для всѣхъ, кто любилъ меня, я былъ несчастенъ... Моя мать вотъ уже 15 лѣтъ носитъ по мнѣ трауръ, а мои гордые братья, которыхъ изъ-за меня приходилось болѣть душой, краснѣть, гнуть свои спины, сорить деньгами, подѣ концы возманивали меня, какъ отраву.

Если бы я былъ только несчастливъ, то

я вознаграждалъ бы Бога. Мое личное несчастье уходить на задній планъ, когда я вспоминаю, какъ часто въ своихъ увлеченіяхъ я былъ нольмъ, далеко отъ правды, несправедливъ, жестокъ, опасенъ, какъ часто я всей душой ненавидѣлъ и презиралъ тѣхъ, кого сѣдовало бы любить—и наоборотъ. Измѣняя я тысячу разъ. Сегодня я вѣрую, а завтра нинъ, а завтра уже грусомъ бѣгу отъ сегодняшнихъ моихъ боговъ и друзей и молча глотаю повеса, котораго пускаютъ мнѣ вслѣдъ. Боготомъ видѣлъ, какъ часто отъ стыда за свои увлеченія я плакалъ и грызъ подушку. Ни разу въ жизни я не солгалъ и не сдѣлалъ зла, но не чиста моя совѣсть. Я не могу даже похвастать, что на моей совѣсти нѣтъ ни чѣй жизни, такъ какъ на моихъ же глазахъ умерла моя жена, которую я изнурилъ своею беззаботностью...

Таковъ вѣрующій русскій человѣкъ. Жизнь не даетъ ему ничего утѣшительнаго, что могло бы лечь въ основу его вѣры. Условія той же жизни не позволяютъ огромному большинству ознакомиться съ научными знаніями въ должной мѣрѣ и заставляютъ ограничиваться верхушками, куточниками, которыхъ хватаетъ очень не надолго. И оттого то такъ непродолжительна, такъ непрочно и такъ изнѣчива вѣра русскаго человѣка. Какъ въ народной средѣ въ настоящее время встрѣчаются люди, которые перебивали въ „семи вѣрахъ“, съ паразитическою легкостью переходя отъ одного толчка къ другому, такъ и въ интеллигентной средѣ столь поразительно часты переходы отъ одного увлеченія къ другому, отъ фанатической преданности одному кумиру къ столь же фанатическому преклоненію другому. И, казалось бы, эта способность, такъ легко загорающаяся отъ каждаго попутнаго огонька, должна была бы предохранять русскаго человѣка отъ возможности терять окончательно способность къ вѣрованіямъ, отъ отчаянія, являющагося неизбѣжнымъ результатомъ потери вѣры. Такъ оно и есть относительно большинства способныхъ вѣровать, относительно Лихаревыхъ, которыхъ такъ много въ нашей жизни и которые порою въ отчаяніи приводятъ наблюдателя этой жизни своимъ хамелеонствомъ,—отнодѣ не низкимъ и предательскимъ, а самымъ искреннимъ, являющимся результатомъ недостаточнаго нравственнаго и умственнаго развитія при богатствѣ естественныхъ, природныхъ качествъ. Но есть натуры, которые не могутъ удовлетвориться этою сибною вѣрованій, натуры, которые не могутъ съ такою легкою душою переходить отъ поклоненія однимъ богамъ къ поклоненію другимъ. И, наконецъ, это перелетываніе съ цвѣтка на цвѣтокъ не можетъ быть вѣчнымъ, и приходитъ моментъ, когда человѣкъ уже не можетъ съ новымъ жаромъ увлекаться новыми идеями, людьми, событіями, мѣстами, не можетъ быть и

украинофиломъ, и археологомъ, и собирателемъ образовъ народнаго творчества, не можетъ, словомъ, жить новыми „всякими штуками“.

И какъ ужасенъ этотъ моментъ окончательной потери вѣры! Чеховъ далъ намъ паразитическое, ужасающее изображеніе этого конца вѣрующаго человѣка, ставшаго человѣкомъ „безъ вѣры“. И какъ странно вспоминать, что при первомъ появленіи этого высокохудожественнаго изображенія самаго трагическаго момента русской жизни, оно было встрѣчено присяжными критиками нашей текущей литературы, какъ „идеализація пошлости“, а первое представленіе этой мучительной драмы въ Петербургѣ было встрѣчено со стороны публики такъ холодно, что Чеховъ на нѣсколько лѣтъ замолчалъ, какъ драматургъ, и даже едва совсѣмъ не оставилъ попытокъ работать въ этомъ родѣ литературнаго творчества.

Нельзя читать безъ мучительной боли изображенія этого процесса постепеннаго умиранія живого человека, какой данъ въ „Ивановѣ“ Чехова,—процесса, явизшагося неизбѣжнымъ послѣдствіемъ потери способности вѣрить и увлекаться. Чеховъ коху то объяснялъ, что онъ нарочно выбралъ фамилію „Иванова“, столь распространенную въ нашемъ отечествѣ, чтобы показать, что изображаемое имъ умирающее при потерѣ вѣры происхожденіе въ сущности во всякомъ изъ насъ,—только въ разной степени. Одни тянутъ этотъ процессъ до безконечности и потому могутъ дотянуть до естественнаго конца, продолжая физическую жизнь съ полумертвой душой, а другіе, напротивъ, неспособны къ такому полумумиранію и доводятъ дѣло до конца собственными усиліями—при помощи петли или револьвера. И Чеховъ именно и взялъ изъ сонма этихъ умирающихъ вслѣдствіе потери вѣры представителя той разновидности, которая не способна мириться съ полумертвымъ существованіемъ (и въ этомъ то и увидѣли „идеализацію пошлости“—паразитическая слѣпоты!).

Какъ же теряетъ человѣкъ вѣру? Процессъ этотъ сложный и длинный, но самому потерѣвшему вѣру онъ не замѣтитъ. Онъ живетъ, какъ всѣ, работаетъ, строитъ планы,—и вдругъ, неожиданно для самого себя, онъ начинаетъ замѣчать полное равнодушіе ко всему, охватившее всего его. Вчера сильный, какъ Голлафъ, сегодня онъ слабъ, какъ пигмей. Вчера ему казалось, что онъ цѣлый миръ можетъ поднять, а сегодня ему не хочется пальцемъ о палецъ пошевелить. Вчера, казалось, онъ такъ горяча вѣровалъ въ дѣло, которому отдался, а сегодня оно для него гроша мѣднаго не стоитъ. Вчера онъ такъ любилъ

ближнихъ, а сегодня онъ равнодушенъ даже къ смерти жены, матери, друга. Что это такое? Откуда это? И онъ ничего не понимаетъ:

„Прожде я много работала и много думала, но никогда не утомилась; теперь же ничего не дѣлаю, и не о чемъ не думаю, а устаю и тѣлою и душой. День и ночь болитъ моя совѣсть, я чувствую, что глубоко виновата, но въ чемъ собственно вина, не понимаю“.

Но, не понимая своего состоянія, Ивановъ не можетъ съ нимъ мириться:

„Я умираю отъ стыда при мысли, что я здоровый, сильный человѣкъ, обратился не то въ Гамлета, не то въ Манфреда, не то въ лишніе люди... самъ чортъ не разберетъ. Есть жалкіе люди, которымъ лѣстны, когда ихъ называютъ Гамлетами или лишними, но для меня это—позоръ. Это возмущаетъ мою гордость, стыдъ гнететъ меня, и я страдаю“...

И не будучи способнымъ примириться съ тою полною пространіемъ силъ, которая явилась въ результатъ потери вѣры, Ивановъ начинаетъ призрачить и ненавидѣть себя:

„Нескорѣй, жалкій и ничтожный и человекъ. Какъ я себя презираю, Боже мой! Какъ глубоко я ненавижу свой голосъ, свои шаги, свои руки, эту одежду, свои мысли. Ну, не смѣшно ли, не обидно ли? Еще года нѣтъ, какъ былъ здоровъ и силенъ, былъ бодръ, неутомимъ, горячъ, работалъ этими самыми руками, говорилъ такъ, что трогало до слезъ даже новѣжъ, умѣлъ плакать, когда видѣлъ горе, возмущался, когда встрѣчалъ зло. Я зналъ, что такое вдохновеніе, зналъ прелесть и поэзію тихихъ ночей, когда отъ зари до зари сидишь за рабочимъ столомъ или тычиши свой умъ мечтами. Я вкрывалъ, въ будущее глядѣлъ какъ въ глаза моей матери... А теперь, о Боже мой! утомился, не вѣрою, въ бездѣлье прожужу дни и ночи. Не слушаются ни мозгъ, ни руки, ни ноги. Нишѣ идеть прахонъ лѣса трещать полъ топорокомъ. Земля моя глядитъ на меня, какъ сирота. Ничего я не жду, ничего не жалю, душа дрожитъ отъ страха предъ завтрашнимъ днемъ... А исторія съ Саррой? Клялся въ вѣчной любви, прочувлѣвъ счастье, открывалъ предъ ея глазами будущее, какое ей не снилось даже во снѣ. Она повѣрила. Во всѣ пять лѣтъ я видѣлъ только, какъ она угасала подъ тяжестью своихъ жертвъ, какъ изнемогала въ борьбѣ съ совѣстью, но, видѣть Бога, ни косяго взгляда на меня, ни слова упрека... И что же? Я разлюбилъ ее... Какъ? Почему? За что? Не понимаю“...

Но такъ хочется понять, такъ хочется объяснить себѣ и другимъ свое состояніе, такъ хочется и въ глазахъ другихъ, и въ собственныхъ глазахъ оправдать себя, показать себя лучшимъ, чѣмъ являешься въ дѣйствительности,—и вотъ на сцену является объясненіе. Самъ Ивановъ понимаетъ, что объяснять свою страсть изъ-за дѣланіемъ среды—„глупо и старо“, когда къ этому объясненію прибѣгаютъ другіе; но самъ онъ не можетъ удержаться, чтобы не остановиться на подобномъ же объясненіи:

„Быль я колодникомъ, гордымъ, искреннимъ, но глупымъ; любилъ, ненавидѣлъ и вѣрилъ не такъ, какъ всѣ, работая, надѣялся за десятирѣхъ, сражался съ мельничками, бился лбомъ объ стѣны, не сознанія своихъ

силъ, не разсуждая, не зная жизни, я вѣровалъ на себя ишу, отъ которой сразу захрустѣла спина и потянулись жилы; я захватилъ расхотѣвъ себя на одну только молодость, пынѣлъ, возмущался, работая, не зная мѣры. И можно ли было иначе? Вѣкъ насъ мало, а работы много, много! Боже, какъ много! И вотъ жестоко мстятъ мнѣ жизнь, съ которою я боролся. Наворвался я. Въ 30 лѣтъ уже похмѣлье, я старъ, я уже надѣла халатъ. Съ тяжелой головой, съ лѣнивою душой, утомленный, надломленный, безъ вѣры, безъ любви, безъ цѣли, какъ тѣнь, слоняюсь я среди людей и не знаю, кто я, чѣмъ живу, чего хочу? И нинъ уже кажется, что любовь—пазоръ, ласки притворны, что въ трудѣ нѣтъ смысла, что пѣсня и горячія рѣчи пошлы и стары. И всюду я ишу съ собою тоску, холодную скуку, недовольство, отерашеніе къ жизни...“

Но если гордость заставляетъ Иванова искать объясненія своей страсти, которое подняло бы его и въ собственныхъ глазахъ, и въ глазахъ другихъ, то относительно цѣнности своего настоящаго состоянія та же гордость не позволяетъ ему предаваться иллюзіямъ и въ концѣ концовъ даетъ ему силу дойти до логическаго конца. Полюбившей его молодой женщиной Сашѣ онъ говоритъ въ день, когда была назначена ихъ свадьба:

„Своимъ нытьемъ я ограбилъ женѣ послѣдній годъ ее жизни. Пока ты моя невѣста ты разучилась смѣяться и постарѣла на пять лѣтъ. Твоя отецъ, для котораго все было ясно въ жизни, по моей милости пересталъ понимать людей. „Будь ли я на свадьбѣ, въ гости, на званіи, куда ни пойду, всюду ишу съ собою скуку, уныніе, недовольство... Никогда я не лгалъ, не клеветалъ на жизнь, но, ставши брюзгой, я, противъ воли, самъ того не замѣчая, клеветалъ на нее, ропшу на судьбу, жалуюсь, и всякій, слушающій меня, заражается отерашеніемъ къ жизни, и тоже начинаетъ клеветать. А какой тонъ! Точно я дѣлаю одолженіе природѣ, что живу“... „Меланхоличъ! Благородная тоска! Безотчетная скорбь! Недостаетъ еще, чтобы я стихи писалъ! Нынѣ, пѣтъ Лазаря, нагоняетъ тоску на людей, сознавая, что энергія жизни утрачена навсегда, что я заржаветъ, отжила свое, что я поддаюсь слабодушію и по уши уязвъ въ этой гнусной меланхоличъ,—сознавать это, когда солнце ярко свѣтитъ, когда даже муравей тащитъ свою ишу и доволенъ собою,—нѣтъ слуга покорный! Видѣть, какъ одинъ считаетъ тебя за шарлатана, другіе сожалѣютъ, третій протягиваетъ руку помощи, четвертый—что всего хуже!—съ благоговѣніемъ прислушивается къ твоимъ вздохамъ, глядѣть на тебя, какъ на второго Магомета, и ждать, что вотъ-вотъ ты объяснишь тѣмъ вторую религію... Нѣтъ, слава Богу, у меня еще есть гордость и совѣсть“.

И „гордость и совѣсть“ приводятъ Иванова къ тому, что онъ пускаетъ себѣ въ високъ пулю. Таковъ конецъ драмы „человѣкъ безъ вѣры“ въ жизни, таковъ онъ и въ произведеніи Чехова.

Но такимъ ли онъ долженъ быть? И неужели нельзя избѣгнуть фатальнаго процесса, приаодящаго къ такому исходу? Отвѣтъ на эти вопросы мы найдемъ, когда поймемъ причины этого процесса. Ключъ далъ намъ Чеховъ въ исповѣди Лихарева, которую, съ пропусками, мы привели выше. Все горе наше въ томъ, что при

всей нашей пламенной способности къ вѣрѣ, мы находимъ эту вѣру не сами. Вѣра эта дается намъ со стороны. Въ дѣтствѣ мы вѣрили тому, что намъ говорила „мамаша“, убѣждая насъ въ томъ, что „главное въ жизни—супъ“. Затѣмъ на сцену „мамаши“ пришли сообщенныя намъ истинны о томъ, что „земля—шаръ“, „бѣлый цвѣтъ не бѣлый, а состоитъ изъ семи цвѣтовъ“. Еще далѣе выступилъ на сцену „самъ Марксъ“, котораго мы приняли также на вѣру, что „главное въ жизни супъ“. Мы не додумывались сами ни до чего, наша вѣра не была нашимъ созданіемъ, и оттого она такъ легко мѣнялась на новую вѣру, амушную намъ снова со стороны, и оттого мы такъ не дорожили каждымъ новымъ вѣрованіемъ, хотя въ періодъ увлеченія имъ приносили ради него въ жертву и самихъ себя, и своихъ ближнихъ, и все человечество. Нашъ фанатизмъ есть результатъ нашей богатой способности къ вѣрѣ, съ которою мы родились, но легкость, съ которою мы отказывались отъ одной вѣры ради другой, есть результатъ того, что эти вѣры „не наши“, что онѣ въ окончательной мѣрѣ чужды намъ, что онѣ взяты нами „на прокатъ“. И когда приходитъ день итога, когда мы уже не можемъ жить чужимъ, заимствованнымъ, когда намъ нужно выступить въ собственномъ олъіаніи, у насъ не оказывается за душою ничего, что мы могли бы противопоставить, выдѣливъ изъ глубины нашего внутренняго, безсознательнаго „я“, сомнѣніямъ и требованіямъ,—и тогда человекъ идетъ къ петлѣ или револьверу, если не настолько мелко, чтобы забиться въ пьянствѣ или иномъ подленькомъ выходѣ.

„Ну, гдѣ мое спасеніе?—спрашиваетъ Ивановъ въ чмъ?“—и отвѣчаетъ: пить я не могу; плохихъ стиховъ писать не умѣю; лѣзть на свою душевную гнѣнь и вѣдѣть въ ней нѣчто превоспремное—не могу“.

И Ивановъ исчезнуть изъ нашей жизни только тогда, когда наша жизнь будетъ прекрасна не только въ мечтахъ, но и въ дѣйствительности, когда мы будемъ имѣть нѣчто цѣнное не только въ возможности, но и въ переживать это цѣнное, когда мы будемъ ощущать цѣнность самой жизни, самаго ея процесса. Когда это будетъ? Когда жизнь, настоящая жизнь, реальная, а не создаваемая нашими мечтами, будетъ давать удовлетвореніе людямъ, у которыхъ есть „гордость и совѣсть“?

Я. Абрамовъ